РАЗДЕЛ 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.33276/978-5-8211-0794-7-6-27

Б.А. Ерзнкян

Ерзнкян Баграт Айкович, д.э.н., профессор, гл.н.с., руководитель лаборатории ЦЭМИ РАН, Москва, + 7 (499) 129-35-44, Ivova1955@mail.ru, yerz@cemi.rssi.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ*

Исследуются институциональные аспекты российской экономической мысли, каким они видятся профессору из Черногории Веселину Драшковичу в сопоставлении с такими же аспектами экономической мысли бывших стран социализма, включая Черногорию и шире – бывшую Югославию. Особенное внимание уделяется освещению репрезентативных тем и направлений развития экономической мысли – как принятых, так и отклоненных российской практикой и официальной политикой. Исследованы наиболее важные проблемы и имевшие место теоретические дискуссии, длящиеся на протяжении всего периода социализма с акцентом на сегодняшние реалии. Предпринятый автором книги сравнительный институциональный анализ последствий жесткого государственного регулирования в различные периоды развития экономической мысли позволяет дифференцировать два наиболее важных фактора влияния – доминирование политики над всеми формами жизни, с одной стороны, и культ личности – с другой. Особый интерес представляют самоуправляемые предприятия, поскольку они могут трактоваться как особого рода популярные ныне экосистемы – экосистемы в миниатюре.

Ключевые слова: российская экономическая мысль, институты, сопоставительный анализ, экосистемы.

JEL классификация: B25, O00, P20, P52.

ВВЕДЕНИЕ

Тема *российской экономической мысли* (РЭМ), пропущенная сквозь призму сопоставления с такой же мыслью, но югославской, давно находится в центре внимания профессора из Университета Черногории Веселина Драшковича, знающего обе эти мысли, что называется, с первых рук. Достаточно вспомнить его выступление на научном собрании родного ему экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 1994 г. и озаглавленного «Югославская и советская экономическая мысль – общие черты». Поиском общих черт, сходств и различий он занимается без малого три десяти-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект № 19-18-00335).

тилетия, особенно в связи с произошедшими тектоническими сдвигами в странах ныне уже бывшего социалистического лагеря, включая СССР и Югославию, а ныне – родные ему [по духу] Россию и [по крови] Черногорию.

Вот и последняя его книга, вышедшая в русском переводе и посвященная российской экономической мысли, проливает новый свет на многие, казалось бы, известные российскому читателю ее аспекты, открываясь временами с совершенно новой стороны (Драшкович, 2020).

Книга состоит из четырех логически взаимосвязанных частей.

В *первой* части преподносится дискуссия, как их называет автор, «идеалиста» и «механиста» вместе с их критикой. Далее обсуждается вопрос о вмешательстве Сталина в полиэкономия – как в узком, так и в широком смысле. Обсуждаются также вопросы взаимоотношений между политэкономией социализма, теорией советской экономики и экономической политики. Особый акцент делается на рассмотрении предмета политэкономии с середины 1950-х гг. до конца перестройки.

Во *второй части*, посвященной дискуссии о товарно-денежных отношениях и основном экономическом регуляторе, исследуются вопросы экономического закона социализма, развития товарно-денежных отношений, планирования при социализме, основного экономического закона в период сталинского правления, развития товарно-денежных отношений с середины 1950-х гг. до и после перестройки.

В *третьей части* к обсуждению предлагаются вопросы социалистической системы, формирования новых экономических условий, институциональной трансформации имущественных отношений сквозь призму российской экономической мысли и поиска новой парадигмы развития, дается также критика буржуазной экономической мысли.

В *четвертой* части книги обсуждаются сходства и различия югославской и российской экономической мысли, позволяющие путем сопоставления определить уровень труда и выявить функции рынка в самоуправляющейся экономической системе, обсудить вопросы собственности, соотношения плановой и рыночной экономик, дать интерпретацию «нормальной цены» при самоуправляемом социализме.

В целом, отмечая большой вклад российской экономической мысли (РЭМ) в науку, В. Драшкович вместе с тем подчеркивает ее неоднозначный характер, выделяя в ней как позитивные, так и негативные черты. С ним, в частности, солидаризируется Ю.М. Осипов, подчеркивающий гетерогенный характер российской не экономической, а хозяйственной мысли, что он считает более широкой категорией. Она включает в себя как явно подражательную западную (что буржуазную, что «пролетарскую»), так и сугубо почвенную (народничество, славянофильство; общинничество, артельничество, аграрничество; государственничество, дирижизм, планизм) мысль, занимая между этими полюсами целый спектр мыслей. При этом, и это особенно важно, даже в «своей почвенной ипостаси российская мысль была вполне самостоятельной, своеобразной, смыслонасыщенной, источниковой, мало того, исторически оправданной и

проективно перспективной. Даже в особое по господствующей единой идеологии (марксистской) советское время отечественная мысль была богатой на знания, идеи и новации» (Осипов, 2019, с. 22).

К несомненному *позитиву* относятся фундаментальные научные исследования, проведенные в годы становления социализма, впоследствии подхваченные, использованные и усовершенствованные западной экономической мыслью.

1920-е гг. знаменовались появлением таких имен, как М. Туган-Барановский, Н. Кондратьев, С. Витте, Г. Плеханов, В.И. Ленин, П. Струве, А. Богданов, А. Купров, Е. Слуцкий, В. Дмитриев, А. Чаянов, Л. Юровский, Г. Гельдман и др.

Именно в эти годы – золотой период РЭМ – были созданы оригинальные и бесспорно выдающиеся труды, среди которых: отрицание гомо-экономики, теория больших циклов экономической конъюнктуры, смешанная экономика, новая экономическая политика, экономические исследования по аграрным вопросам, о роли государственного регулирования и планирования, изучение империализма, проблемы много-режимной экономики и т.д.

Негативные черты: апологетика, догматизм, тоталитаризм, тавтология, вульгаризация, идеологизация, институциональный и квазиинституциональный монизм, коллективизм, разные ответы на одни и те же вопросы, а также попытки абсолютизации некоторых заблуждений (скажем, в отношении классовых приоритетов). Примечательно, что такого рода абсолютизация характерна и для рыночных фундаменталистов, для которых квазиинституциональный монизм является подобием абсолютной истины, чем-то вроде «священной коровы». И все же, именно «советская экономическая наука в течение многих десятилетий находилась под идеологическим прессом», поскольку абсолютизировалась и догматизировалась марксистская доктрина, сформировавшаяся в середине XIX столетия и считавшаяся «венцом научного знания» (Львов, 2002а, с. 18).

Прежде чем перейти к рассмотрению отмеченных характерных особенностей РЭМ в порядке, соответствующем структуре изложения содержания книги, подчеркнем, что речь идет именно о мысли, а не о мышлении. Дело в том, что говоря о новом, в частности, экономическом мышлении, зачастую подразумевают не ученую «экономическую мысль», а «умонастроение деловой элиты общества, которое, кстати говоря, гораздо ближе к массовому сознанию, чем к миру высоких интеллектуалов» (Львов, Гребенников, Ерзнкян, 2000, с. 45). С учетом этого рассмотрим особенности РЭМ и ЮЭМ.

ПРЕДМЕТ ПОЛИТЭКОНОМИИ И ДИСКУРС О ЕГО ХАРАКТЕРЕ

В попытке понять особенности РЭМ, В. Драшкович обращает внимание на содержательную сторону широко известной дискуссии, развернувшейся во второй половине 1920-х гг. после опубликования статьи И. Скворцова-Степанова «Что такое поли-

тическая экономия?», подчеркивая, что в дискуссии преобладала точка зрения на то, что феноменологически социализм не выступает субъектом политической экономии. В этой самой дискуссии уже проглядывали черты зреющего исподволь конфликта между двумя направлениями РЭМ – идеалистическим и механистическим. Свое завершение конфликт получил в 1927–1979 гг. как результат противостояния экономистов идеалистического толка И. Рубина, И. Давыдова, И. Кушина, с одной стороны, и механистического толка А. Кона, С. Бессонова – с другой.

В. Драшкович солидаризируется с В.И. Лениным, который отмечал, что потребность в политэкономии как научной дисциплине будет сохраняться и при социализме, в то время как многие экономисты считали, что политэкономия имеет смысл только при капитализме. Зачастую это можно было объяснить влиянием неокантианства – идеалистического учения, которого в России придерживались на рубеже веков М. Туган-Барановский, П. Струве, М. Булгаков и др., а на Западе – В. Зомбарт и Р. Гильфердинг. Есть основания полагать, что Н. Бухарин некоторые взгляды позаимствовал у Гильфердинга, в частности, утверждение, что место политэкономии при социализме займет «наука о богатстве народов». Основанием для такого суждения служило распространенное мнение о том, что политическая экономия может иметь своим объектом «исключительно товарное (капиталистическое) общество», потому что в организованной экономике социалистического общества не могут быть проблемы (стоимости, цены, капитала, прибыли, кризиса и пр.), которых оно не может решить. Такова была позиция и Р. Люксембург, которая полагала, что при социализме останется только такая экономическая наука, которая будет «занятая поиском закономерностей, связанных с потребностями воспроизводства» (Драгичевич, 1984, с. 77).

Так или иначе, но со временем пришло понимание того, что переходный период нуждается в теоретическом обосновании необходимости изучения релевантных ему законов хозяйствования. В связи с этим актуализировалась проблема формирования науки, исследующей наблюдаемые в повседневной экономической жизни явления. Поскольку ее формирование происходило в исторически обусловленной среде, оно не было свободно от ее контекста. Так, к примеру, формируемые и формулируемые экономические законы считались безоговорочно объективными, но в какой мере они были таковыми, это вопрос. Точнее, вопрос риторический. И еще: политический контекст неизменно определял контекст экономический, что всячески подчеркивалось и признавалось. Причина еще и в том, что как верно отмечает В. Драшкович, идеологические и политические взгляды вкупе с негативным отношением «к капитализму решающим образом повлияли на субъективистские стремления как можно скорее отличить действие экономических законов в социализме от законов капитализма» (Драшкович, 2020, с. 73).

Соглашаясь с объяснением причин отмеченного субъективизма и влияния культа личности на его укоренение как доминирующей черты экономической науки социализма, хотелось бы вместе с тем поспорить с автором книги относительно его

вывода о неготовности РЭМ «с научной точки зрения разработать систему новых социалистических производственных отношений» (Там же). Дело в том, что он неизменно подчеркивает стремление субъектов хозяйствования, включая государственные и политические органы власти, сопровождаемые соответствующими – и заметим, находящимися в стадии становления, – институтами, максимально подчинить экономические законы своей воле и потребностям. Но ведь иначе и быть не может в конструируемой экономике, к которой может быть применен единственно «нормативный» подход, но никак не «позитивный». Другое дело, попытаться понять, что стоит за этим конструктивизмом, и нет ли манипулирования с нормативностью. Иначе говоря, не сталкиваемся ли мы с феноменом, хорошо описанным тем же Драшковичем, хотя и применительно к другому времени и другому месту, и известным как клокотризация перехода (Драшкович, 2021).

Выражается этот феномен в желании «замаскировать сущность и подавить все объективное, затормозить экономические явления и процессы и подчинять их сухим методам планирования, пренебрегать остатками элементов капиталистической (товарной) экономики и подчеркивать решающую роль «сознательного» социалистического сектора. В соответствии с заявленными «условиями» отношение к политической экономии социализма формировалось через его утверждение и отрицание, имевшие общую характеристику – подчинение политико-идеологическим интересам и устремлениям, которые, по сути, также представляли субъективистские тенденции и возникали из диктатуры» (Драшкович, 2020, с. 74).

Возвращаясь к экономической мысли, отметим, что в СССР теория советской экономики, исследующая закономерности переходного – в тогдашнем понимании этого слова – периода и специфические формы их проявления в конктерных условиях, стала преподаваться в вузах с начала 1930-х гг.

И хотя научность этой дисциплины впоследствии нередко ставилась под сомнение, поскольку в ней упор делался скорее на экономической политике, чем на теории, на то были веские причины. Достаточно указать на то, что «в условиях, в которых оказался СССР, было непросто отделить абстрактное от конкретного, экономические законы и категории от механизма их действия и конкретных форм проявления» (Драшкович, 2020, с. 74). В 1933–1934 гг. теория советской экономики была заменена новым курсом – экономической политики. Длилось это недолго, вплоть до осени 1936 г., когда ЦК ВКП(б) принял решение о внесении изменений в преподавание политэкономии. И хотя с необходимостью теоретического изучения и осмысления новых производственных отношений никто уже не спорил, до выхода в свет учебника по политэкономии социализма было еще далеко. Одной из причин, мешающих его выпуску, была неготовность многих экономистов принять объективный характер экономических законов социалистического способа производства. Частично проблема преодоления такого субъективизма «была решена только в январе 1941 г., когда было признано влияние закона ценностей на социалистическую экономику, и в ноябре 1951 г., когда

официальная советская наука согласилась принять во внимание действие других объективных экономических законов» (Там же, с. 75).

Учебник, которого так ждали, вышел в 1954 г. В нем политэкономия трактовалась с «широких» позиций, в отличие от сталинского «узкого» понимания экономической науки. В последующих изданиях большее внимание было уделено предмету науки, для характеристики которого было использовано несколько определений, дабы избежать впадения в субъективизм. В них говорилось об изучении производственных отношений в их связи с производительными силами, которая обеспечивает единство способа производства. Другие определения акцентировали внимание на политэкономии как исторической науке, изучающей производственные отношения как основу общества во взаимной связи с надстройкой.

В 1960-х гг. были предприняты усилия по адаптации предмета политической экономии к изменениям, произошедшим в советской экономике. Следует отметить дискуссию, организованную редакцией журнала «Вопросы экономики», в результате которой были выявлены две точки зрения на предмет политической экономии. Одна из них исходила из того, что система политэкономии должна строиться в соответствии с логикой «Капитала» и была представлена концепцией Н. Цаголова, М. Сакова, Г. Козлова и др. В соответствии с другой точкой зрения (Кронрод и др.) следовало исходить из имманентной науке своей внутренней логики. Первая точка зрения нашла свое полное отражение в двухтомном курсе политэкономии, подготовленном авторским коллективом во главе с Цаголовым в 1963 г. и переизданном в 1976 г.

В целом различные определения предмета политэкономии можно представить в виде трех групп:

- 1) предметом науки выступает способ производства;
- 2) акцент делается на изучении производственных отношений отдельных социально-экономических формаций;
- 3) исходит из необходимости включения в рассмотрение также и отношений социальной надстройки.

Подчеркивая логически взаимоувязанный характер этих групп определений, В. Драшкович приводит в итоге определение, принадлежащее таким известным советским экономистам, как Л. Абалкин (1981, с. 68–69) и С. Афанасьев (1986, с. 5–6). Вот оно: *«предмет политической экономии определяется производственными отношениями и их связями с производственными силами и отношениями надстройки»* (Драшкович, 2020, с. 89).

Во времена перестройки имело место также трактовка предмета политической экономии в «широком смысле», включающей в ее структуру докапиталистические формации, политэкономия капитализма и политэкономия социализма. В то же время оставались теоретики, верные коммунистической идее и считающие, что в строго научном смысле правильнее говорить о политэкономии коммунистического способа производства, или коммунистической формации. В таком понимании предмет по-

литэкономии социализма это не что иное, как изучение производственных отношений и экономических законов, регулирующих производство и распределение материальных благ, равно как и механизма использования этих законов на практике. По сути дела, «утверждалось понимание репрезентации социальной надстройки в предмете изучения политической экономии». В целом было «большой редкостью встретить исследования политической экономии, не обремененные цитатами и чрезмерной идеологизацией» (Там же, с. 90).

РАЗВИТИЕ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вопрос о товарно-денежных отношениях при социализме вызвал бурные споры. Возможно, сказалась и практика «военного коммунизма», приведшая Бухарина к радикальному выводу об их отмене в переходном периоде. Были споры в отношении характера противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Многие экономисты в середине 1930-х гг. считали его неантогонистическим и являющимся главной движущей силой социалистического развития. К концу 1930-х гг., а именно в 1938 г., после опубликования «Краткого курса истории ВКП(б)» со статьей Сталина «О диалектическом и историческом материализме», произошло резкое изменение позиций. Решенная директивным способом проблема гласила: «социалистическая экономика выступает как пример полной гармонизации производительных сил и производственных отношений, потому что общественная собственность на средства производства полностью соответствует общественному характеру производственного процесса, так что не происходит экономических кризисов или разрушения производительных сил» (Драшкович, 2020, с. 95).

Учитывая время, последовавшее после 1937 г., не удивительно, что дискуссии по-существу выветрились: они сводились к повторениям того, что было можно, хотя практика подобного рода теоретические взгляды убедительно опровергала. И лишь после военных и послевоенных лет, в начале 1950-х гг., после того как в «Экономических проблемах социализма в СССР» Сталин вынужден был «признать», что при социализме существуют безусловные противоречия между производительными силами и производственными отношениями, началось более или менее научное исследование диалектики этих противоположностей. «В середине 1950-х годов были подтверждены общесофские представления о том, что противоречия представляют собой единство и борьбу противоположностей в сущности объекта, что они являются источником развития объекта на всех этапах его существования, что совпадение или несовпадение противоположных сторон проявляется как момент противоречия» (Драшкович, 2020, с. 96).

Остановимся подробнее на взглядах Н.Д. Кондратьева (1989) в трактовке В. Драшковича (2020, с. 117–119). Соглашаясь с объективными постреволюционными условиями – национализированной собственностью, Н.Д. Кондратьев подчеркивал, что способность государства оказывать решающее воздействие на общие экономиче-

ские потоки. Помимо теоретических изысканий, он, как директор Конъюнктурного института при Наркомате финансов Союза ССР, принимал участие в работе над созданием макроэкономической теории планирования и прогнозирования. В середине 1920-х гг. в целом вырисовывались два подхода к планированию: генетический, основанный на экстраполяции текущих основных тенденций экономического развития, и телеологический, ставивший задачи планирования и искавший пути их решения. К чести Н. Кондратьева он пропагандировал уважение к обоим методам.

Познание им объективных характеристик и тенденций развития рыночной экономики позволило придти к выводу, что рынок не есть символ стихийности, напротив, он выступает связующим элементом национализированного, кооперативного и частного секторов, а также значимым источником информации для предпринимателей. Он связывал цель плана с обеспечением более высоких темпов роста производительных сил и установлением сбалансированного роста производства. Такое понимание взаимосвязанности и взаимодополняемости рыночных и плановых методов подходит всех секторов экономики, и изменение значения некоторых из них зависит от типа сектора как объекта планирования. Например, в сельском хозяйстве, основанном главным образом на частной собственности крестьян, было необходимо господство методов косвенного рыночного воздействия, а план носил преимущественно генетический характер. Напротив, в национализированной отрасли решающими должны быть элементы сознательного влияния, а значит, и важность применения телеологического планирования.

Кондратьев считал, что научное планирование и его истинная реализация возможны только при уважении к реальной ситуации, объективных законах рынка, а также при стремлении сбалансировать спрос и предложение, а также стабильность денежного обращения. Понимая важность прогнозов в обеспечении реальности планирования, он вместе с тем выступал против излишней детализации перспективных планов и фетишизации чисел, ведущей к частно-производственному планированию в собственных интересах. С этих позиций он раскритиковал первоначальный проект пятилетки 1926–1931 гг., выполненный под руководством Струмилина.

Под влиянием политических и экономических изменений понимание им цели и направления планирования подверглось корректировке: он стал придавать большее значение координации народнохозяйственного плана с целями индустриализации. Таким образом, роль телеологических методов, т.е. когнитивное воздействие на экономику, в его общей концепции планирования возросла. Вместе с тем, он подчеркивал, что добиться сбалансированного экономического роста и быстрого промышленного роста, вряд ли возможно без стабильности сельскохозяйственного производства. Именно по этой причине он предложил направить часть капитальных вложений в аграрный сектор. Строго выверенная концепция научного планирования Кондратьева не пришлась по вкусу многим экономистам, взявшим на вооружение слова Сталина о концепции Кондратьева как «буржуазного пережитка», и это притом, что ее можно

было при желании охарактеризовать как компромисс. В самом деле, с одной стороны, планирование выступает у него задачей государственных органов, а с другой – его контрольные числа носит рекомендательный характер, не будучи обязательными для принятия решений об объемах производства. Фактически в конце 1920-х гг. Кондратьев выступил с идеей, так называемого *индикативного планирования*, реализованного впоследствии во многих западных странах и, в частности, в Японии, после Второй мировой войны.

Нельзя не согласиться с Драшковым в отношении трагической судьбы многих советских (российских) экономистов, в частности, М.И. Туган-Барановского, сыгравшего особую роль в становлении Кондратьева, – активного сторонника радикальной крестьянской демократии и безоговорочного оппонента «мессианской» большевистской диктатуры пролетариата. Несмотря на постоянные провокационные и прямые нападки догматиков, он 15 лет плодотворно проработал директором знаменитого Конъюнктурного института и консультантом ведущих государственных экономических институтов (Госплан, Наркомфин и др.). Он создал новый подход к изучению мировой экономической истории, предсказав Великую депрессию 1929–1933 гг. и ее последствия. Мировую известность получили и его ближайшие сторонники (Слущкий, Дмитриев, Чаянов, Четвериков и др.). Однако во второй половине 1920-х гг. приверженцев гибких институционально-плюралистических идей Кондратьева становилось все меньше и меньше. Ленин и Красин были уже похоронены, Троцкий в ссылке, Сокольников в тюрьме, а Бухарин и Рыков – под постоянным наблюдением. Деятельность так называемых «буржуазных специалистов» все больше беспокоила Сталина и его команду, и произошла трагедия: начались массовые репрессии, объявленные большевистским детерминизмом. Кондратьев был арестован в 1930 г. В тюрьме, почти слепой, он разрабатывал методологию теории экономической статики и динамики, вплоть до его ликвидации в 1938 г. (Драшкович, 2020, с. 119).

Особое значение труды Н. Кондратьева имеют потому, что он ввел в статичное понимание экономической мысли динамическую составляющую, расширив тем самым предмет изучения экономической науки. Это имеет существенное значение, в частности, для сотрудников 3 отделения ЦЭМИ РАН, многие годы активно занимающихся исследованием особенностей длинноволновой динамики в реформируемых экономиках. В настоящее время они приступают к изучению формирования институциональных и структурных предпосылок для обеспечения ответа России на вызовы, связанные со становлением нового технологического уклада в мировой экономике. И все это в развитие идей, заложенных *помимо прочего* Кондратьевым и подхваченных *inter alia* Карлотой Перес (2011). Особо подчеркнем, что важность ее технико-экономической парадигмы для практики, которая заключается в способности делать предсказания, базирующиеся не на «прогнозировании точных датировок наступления кризисных проявлений, а в возможности упреждающего реагирования на появление двойных пузы-

рей и выработки в людях иммунитета от эйфории периодов процветания» (Ерзнкян, 2013, с. 41).

Из обширной литературы по данной тематике укажем ряд публикаций сотрудников 3 отделения ЦЭМИ РАН, в которых, в частности, обосновывается необходимость корректировки общеизвестных представлений о длинноволновой динамике и фазах ее развертывания, вызванная как объективными изменениями в реальных волнообразных и/или пульсационных процессах экономического развития, так и развивающимся характером самой институциональной теории. Вот они (Дементьев, 2013; Ерзнкян, 2013; Ерзнкян, Иманов, Овсиенко, Ставчиков, 2014; 2018; Yerznkyan, Magomedov, 2018; 2019).

К сказанному добавим, что развиваемая российской экономической мыслью теория длинных волн способна придать новое наполнение методологическому плюрализму и послужить основой для плюрализма концептуального (Дементьев, 2013, с. 25). Это весьма существенно, ибо «в настоящее время торжествует методологический плюрализм без каких-либо единых, общепринятых принципов... Самое неприятное, что сейчас можно сказать про методологию экономической науки, это констатировать отсутствие правил применения отдельных инструментов к конкретным ситуациям. Есть набор инструментов, есть набор ситуаций, но нет правил, когда и какой инструмент следует использовать» (Автономов, 2006, с. 207). Между тем, знание «общей картины экономического развития в виде смены фаз длинной волны позволяет соотносить различные инструменты анализа, отдельные концепции и спецификации ситуации, характерные для этих фаз. Такого рода учет меняющихся условий экономического развития позволяет по-новому взглянуть на многие дискуссионные вопросы» (Дементьев, 2013, с. 25).

В ПОИСКАХ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ

Теоретические проблемы, ставившиеся во главу угла во время непрерывно ведущихся дискуссий, не являлись самоцелью, напротив – они имели целью улучшение или реформирование советской экономической системы. На это была направлена и вся экономическая политика государства, стремящаяся посредством совершенствования системы планирования и стимулирования предприятий к более качественному и эффективному производству повысить рентабельность и эффективность функционирования народного хозяйства.

После опубликования, в частности, труда Э.Г. Либермана (1956), посвященного методологическим проблемам изучения и измерения производительности труда, и, в особенности, с началом оттепели – после публикации его статьи «План, прибыль, премия» (Правда, 9 сентября 1962 г.) – дискуссии возобновились с новой силой. На специально организованной в АН СССР конференции прозвучали многочисленные и порой довольно-таки противоречивые мнения по вопросам экономического устройства и развития социалистического товарного производства. В частности, были высказаны

сомнения относительно практики детального планирования всего и вся, негативный эффект от которого выражался в конфликте интересов между предприятиями и народным хозяйством в целом. Как видим, такая точка зрения совпадала в целом с мнением Кондратьева об излишности и ненужности составления подробных планов. Во избежание возможного конфликта интересов следует разграничить ответственность и действия отдельных предприятий и их целокупности: первым следует иметь дело только с планами по объему и номенклатуре производства и срокам поставки, вторым – со всеми остальными показателями. По мнению Либермана, предприятиям следует определяться только с планами по объему и номенклатуре производства и срокам поставки, учитывая при этом в максимальной степени прямые связи между поставщиками и потребителями. Что касается всех остальных показателей, что они должны быть доведены только до совнархоза и не должны определяться предприятиями. Освобожденные от строгих правил, диктуемых «сверху», предприятия должны быть только заинтересованными в различных методах стимулирования для более эффективного использования внутренних резервов. Сделать это можно путем предоставления предприятиям возможности не просто выполнения, но и составления плана. Для этого необходимо разрешить им «составлять окончательный вариант производственного плана, планы численности рабочих, производительности, зарплаты, накопления, инвестиций, себестоимости и т.д. Но все важнейшие звенья планирования по-прежнему будут определяться из центра: цены, бюджет, финансы, экономический учет, капитальные вложения» (Драшкович, 2020, с. 217).

К этому добавим, что такое решение, пусть и компромиссное, было шагом вперед в сфере планирования, тем более что оно оставалось краеугольным камнем функционирования советской экономики. Так, подчеркивая тот факт, что планирование и материальное стимулирование суть два наиболее важных фактора социалистической экономики, В.С. Немчинов (Правда, 11 сентября 1962 г.) подчеркивал, что «планирование гораздо важнее, поскольку является неотъемлемой частью социалистической экономической системы, в то время как материальное стимулирование имеет разное значение в разные периоды экономического развития. По сути, поддерживая предложения Либермана, он выступал за введение взносов в основной капитал. Это приведет к ликвидации бесплатного (невозвратного) использования основных средств, которые компания (государство) распределяла между компаниями по определенным критериям» (Драшкович, 2020, с. 218–219).

К моменту перестройки необходимость в поиске новой парадигмы экономического развития стала настоятельной потребностью, и РЭМ на это, естественно, не могла не откликнуться. В. Драшкович отмечает, что шансы на успех были, и выражались они в следующих фактах.

Во-первых, это богатство традиций советской и российской экономической мысли, обычно недооцененных, которые имеют большое значение для ее возрождения; великие имена русских ученых-экономистов, выдающиеся заслуги которых не

смогла принизить даже жесткая идеологическая цензура. Поскольку все развитие РЭМ происходило в результате острых споров и дискуссий, четко указывающих на допущенные ошибки, происходило накопление знаний, что и позволило сформировать ряд научных направлений, к наиболее важным из которых следует отнести экономико-математические методы.

Во-вторых, самобытность и специфика экономической системы требуют построения новой и оригинальной экономической парадигмы, а не применения чужих рецептов в несоответствующей институциональной и микроэкономической среде.

В-третьих, преодоление искусственной изоляции от мировой экономики и атмосферы монополии.

В-четвертых, поскольку глубины и сложности кризиса СССР остались позади, у экономистов появился уникальный шанс найти адекватные решения спорных вопросов и, наконец, разрешить конфликт между интересами науки и потребностями практики.

К этому добавим и то, что еще в 1960-е гг. в СССР были разработки концепции рыночного социализма, в частности, основанные на исследованиях чехословацких, польских, югославских и венгерских экономистов. Что касается именно югославских экономистов, то забегая вперед, отметим, что они «были едины в своей оценке, что резкое противопоставление плановой и рыночной экономики (синонимы социализма и капитализма) принадлежит прошлому, т.е. истории экономической мысли. Чтобы быть успешными, современные экономические системы должны основываться на одновременном функционировании и взаимодействии двух взаимодополняющих механизмов регулирования: рыночного регулирования как «спонтанного» компонента и планового (государственного) регулирования как «сознательного» компонента. Таким образом, была достигнута достаточная степень консенсуса относительно взаимоотношений между планом и рынком» (Драшкович, 2020, с. 263).

И хотя волна рыночного социализма в целом была подавлена, усилия реформаторов, направленные «на переход от плановой модели экономики к модели рыночной плановой экономики (смешанной экономики – как с точки зрения методов управления, так и форм собственности)», не оказались напрасными. Жизнь впоследствии «показала, что подобные концепции не были утопическими». Достаточно обратиться к опыту Китая в 1980-х и 1990-х гг., убедительно демонстрирующего, «что постепенный переход от директивного плана к смешанной экономике может быть гораздо более эффективным и безболезненным, чем серьезный скачок на рынке (неолиберальная модель так называемой шоковой терапии)» (Там же, с. 10).

Об этом в 1990-е гг. не раз говорили, в частности, в стенах ЦЭМИ РАН, но их упорно не хотели слушать, что, впрочем, и неудивительно, имея в виду, что истинной целью тогдашних реформаторов было не создание эффективной экономической системы, а уничтожение социализма как такового. Разумеется, открыто они это не высказывали, прикрываясь наукообразными мифами – «священными коровами», по вы-

ражению Д.С. Львова. Как пишет во введении к книге Д.С. Львова «Миссия России» его ученик и последователь С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов «неустанно разъясняя их теоретическую несостоятельность и практическую вредность. Он совершенно верно предсказал разрушительные последствия гайдаровской либерализации цен, чубайсовской приватизации госимущества, ограничительной денежной политики, вызвавших коллапс обрабатывающей промышленности и катастрофическое разрушение производительных сил общества в начале 1990-х гг. Он своевременно предупреждал о губительности политики наращивания краткосрочного государственного долга, вызвавшей крах финансовой системы государства в 1998 году» (Львов, 2008, с. 5). И хотя рекомендации российской академической науки Президенту, Правительству, Федеральному Собранию «каждый раз вызывали острую дискуссию в парламенте страны, дававшему нелицеприятную оценку проводившимся реформам», сути дела это не меняло. Политика исполнительной власти оставалась прежней, и «младореформаторы продолжали следовать мифам Вашингтонского консенсуса, придавая наукообразие политике присвоения национального богатства и дохода властвующей олигархией и идеологически оправдывая разорение страны и обнищание народа» (Там же, с. 5).

Вышеприведенные факты (Драшкович, 2020, с. 241) свидетельствуют о понимании Драшковичем контекста, в котором и должна была родиться новая парадигма экономического развития. С научно-методологической точки зрения особый интерес представляет исследовательская программа академика Д.С. Львова, легшая в основу разработки им теории третьего пути, нацеленная на построение в стране общества нового типа – *социальной справедливости* и *высокой эффективности*. И хотя в книге об этом впрямую не говорится, хотелось бы остановиться на некоторых ее особенностях, которые лучше представить в сопоставлении с программой официально признанных российских реформаторов. Как известно, в исследовательской программе любой научной теории можно выделить *жесткое ядро* и *защитный пояс* – понятия, составляющие *отрицательную* и *положительную* эвристики, где первое обозначает неизменные постулаты теории, а второе – ее меняющиеся черты. С учетом этого представим две логики (Ерзнкян и др., 2016).

Логика реформаторов: теория планового хозяйства – трансплантация неоклассического жесткого ядра + ожидание возникновения адекватного защитного пояса – утверждение теории с рыночно-ориентированным ядром и поясом.

Реальность и последствия реализации логики реформаторов: теория планового хозяйства – навязывание жесткого ядра неоклассики + состояние институционального вакуума – месиво вместо жесткого ядра + институциональный нигилизм вместо защитного пояса – отсутствие внятной теории – смутное время.

Логика теории третьего пути Львова: теория планового хозяйства – формирование нового жесткого ядра + учет особенностей старого защитного пояса – развитие нового жесткого ядра + «выращивание» нового защитного пояса – теория третьего пути.

Возможные последствия реализации теории третьего пути Львова: теория планового хозяйства – формирование нового жесткого ядра в противостоянии с трансплантированными неоклассическими постулатами + учет особенностей старого защитного пояса и изменение отношения людей к реальности – развитие нового жесткого ядра, адекватного третьему пути, + культивирование и укрепление нового защитного пояса – теория третьего пути – новый облик России.

Как видно из сопоставления этих логик, одной из главных причин провала рыночных реформ было полное пренебрежение защитным поясом и в более широком смысле – мягкой составляющей реформ, включающей *помимо прочего* необходимость изменения отношения людей к меняющейся реальности, о чем неоднократно говорил Д.С. Львов.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЮГОСЛАВСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЫСЛЕЙ

Югославская экономическая мысль по сравнению с мыслью российской (советской) оригинальностью в сфере выдвижения новых научных идей не блещет, поскольку она в целом копировала советские образцы экономической мысли. В то же время практические эксперименты по созданию самоуправляемой экономической модели в Югославии представляют несомненный интерес, поскольку можно было воочию увидеть все плюсы и минусы попыток отхода «от традиционной советской экономической концепции директивного планирования, административных цен и распределения. Но, похоже, достигнутые результаты оказались неадекватными приложенным усилиям и желанию добиться чего-то оригинального. Причин много, но основные из них можно искать в доминировании политики над экономикой и в продвижении апологетической экономической модели с нелепой терминологией (например, затраты рассматриваются и определяются как расчетные доходы и т.д.)» (Драшкович, 2020, с. 271).

Особенно ярко «оригинальность» югославских экономистов выразилась в попытке концептуальной разработки теории социальной собственности. Некоторые из них попросту перефразировали положения о собственности из Конституции СФРЮ, Закона о совместном труде и сопутствующих законодательных актов, другие – напротив, саятая себя «критическим направлением», предприняли попытку формирования «новой исторической категории», положив в основу своей концепции «понимание теории права, основным содержанием которой является неимущественная концептуализация социальной собственности». По их мнению, как экономическая категория она не существует, а как категория юридическая и вовсе пропадает, трансформируясь в самоуправленческое право. Здесь имеет место быть глубокое непонимание структуры собственности, или, иначе, причинно-следственной связи: отношения собственности – собственность – права собственности – полномочия собственности. Более того, по существу происходит «некритическое и произвольное сведение собственности к чему-

то, что даже не попадает в категорию власти собственности! Но упомянутая концепция служила для понимания всего экономического аппарата самоуправляемой экономики как нерыночного, изолированного от действия экономических законов, а общественная собственность (как «всеобщая и ничья») сводилась к материальной основе труда». Иными словами, «ей было придано большее техническое и организационное значение». Отмечая это, В. Драшкович восклицает: какое «отрицание и непонимание институциональных социально-экономических категорий и значения институциональных механизмов и даже их основных составляющих элементов!» (Драшкович, 2020, с. 256–257). Его вывод однозначен: из приведенных и иных формулировок – юридически и экономически чрезвычайно расплывчатых – социальной собственности понять, как такая собственность «была фундаментально экономически, политически, с правовой точки зрения и социологически взаимосвязана с самоуправлением», совершенно невозможно (Там же, с. 257). Для сравнения: «искать какого-то иного определения собственности, помимо *права собственности* как продукта определенного правового строя с его развивающейся финансовой и юридической техникой» некорректно. «Совершенно очевидно, что в условиях директивно управляемой экономики права собственности не существовало, если не считать сферы оборота прав на личное имущество и рознично-торгового оборота, а также суррогатной собственности, гнездившейся в теневом праве «параллельной экономики». Сама же государственная собственность не более чем, «терминологический нонсенс, если речь не идет о тех случаях, когда государство выступает как субъект гражданско-правовых сделок, например, во внешних сношениях» (Львов, Гребенников, Ерзнкян, 2000, с. 44).

Вернемся, однако, к имеющимся различиям между российской (советской) и югославской мыслями, сводящимся в целом к терминологическим изыскам, слабо затрагивающим семантику мысли. По-существу, что заимствовала ЮЭМ у РЭМ, так это «опыт полицентризма в принятии решений, уважение к рынку и институциональному плюрализму», использование «действия некоторых экономических законов и утверждение товарного производства и некоторых категорий, таких как, например, мотивационный механизм». Попыткам определения критериев распределения оригинальным и объективным образом, мешала «терминологическая и существенная несогласованность категории базового дохода». К этому добавим, что попытки формирования более либеральных и самодостаточных производственных отношений, равно как и более сильного мотивационного механизма потерпели неудачу, поскольку «это были не экономические идеи, а политическая воля» (Там же, с. 272). Иными словами, имевший место дуализм между самоуправлением и государственным регулированием, не мог быть реализован на практике, ибо не имел под собой сколь-нибудь серьезного научного обоснования. В. Драшкович говорит об этом более жестко со ссылкой на мнение югославских авторов: «эксперимент с самоуправлением был фикцией, поэтому он и провалился» (Там же).

На свой же вопрос, почему так произошло, он отвечает: «проблемы развития ЮЭМ были связаны с влиянием этатистского догматизма, волюнтаризма, формализма и субъективизма, а также с присутствием страха (это неоспоримо) перед возможностью наказания. В подобной атмосфере не формируется духовная свобода и оригинальное научное мышление» (Драшкович, 2020, с. 273).

Прежде чем перейти к сопоставлению югославской и российской экономических мыслей, сделаем небольшой экскурс в послевоенную историю. Как известно, завершение Второй мировой войны ознаменовалось утверждением сфер влияния, гласно или негласно осуществляющимся по доброй старой английской традиции в соответствии с принципом «*first came – first served*». В институциональном плане распространение сферы влияния сопровождалось насаждением институтов – либо западных (рыночных), либо восточных (плановых). Там же, где сфера влияния не была четко выражена, как в случае Югославии, формировались собственные институты, в которых рыночные и плановые черты оказывались переплетенными в той или иной степени.

Как об упомянутом принципе права первого пишет А.Н.Олейник со ссылкой на Р.Сагдена, известно, «что еще в средние века в прибрежных английских деревнях существовало правило, согласно которому право на сбор выброшенных на берег штормом предметов принадлежало человеку, который первым пришел на берег после шторма». Через свойственный общему – англосаксонскому – праву механизм прецедента впоследствии «это правило распространилось на многие сферы, весьма далекие от исходной ситуации» (Олейник, 2004, с. 200). Именно это правило и легло в основу передела послевоенной Европы: чьи войска первыми вошли на территорию страны, то на нее и распространяется сфера их влияния.

При этом – и это оговорка существенна – из самого факта установления сфер влияния и последующей за этим трансплантацией – рыночных и/или плановых – институтов, не следует, что они должны быть конгруэнтными с институциональной средой стран – вынужденных (в той или иной степени) реципиентов институтов. Причина проста: из того обстоятельства, что «нормы распространяются по аналогии, вовсе не обязательно ожидать, что они окажутся оптимальными в решении конкретных проблем координации» (Sugden, 1989, p. 95).

С учетом этой оговорки, отметим, что к моменту освобождения от немецко-фашистских захватчиков в Югославии существовало партизанское движение – де факто настоящая народно-освободительная армия, которая по-существу и выступала в роли «пришедшей первой» (*first came*) армией. Именно это обстоятельство и определило то особое место, которое страна под руководством И.Б. Тито заняла на карте Европы – это был социализм, но со своими особенностями.

Сформированная в Югославии экономическая система была основана на развитии производственных средств и всеобщей национализации, однопартийной политической системе и централизованном планировании, что напоминало отчетливо институционально-монистическую, по выражению Драшковича, модель советской эко-

номики. После дальнейшего охлаждения отношений между нашими странами Югославия, продолжая политику неприсоединения к военно-политическим альянсам, в экономическом отношении пыталась построить свой путь социалистического развития – и этот путь характеризовался одним словом: рабочее самоуправление. В институциональном смысле это был пример заимствования (трансплантации, импорта) института непосредственно из теории и отчасти из практики. Источниками заимствования послужили труды мыслителей-анархистов XIX столетия (Прудона, Бакунина и др.), разработки К. Маркса об объединенном труде и коммуне, опыт немецких рабочих советов времен Первой мировой войны и послеоктябрьский опыт рабочих комитетов и ячеек рабочего контроля в России (СССР). Много научных трудов югославских экономистов было посвящено доказательству того, что это была реализацией идеи Маркса об ассоциации свободных производителей и учения Энгельса об отмирании государства (Marsenić, 1979).

Так или иначе, но югославский опыт рабочего самоуправления оказался живучим, хотя отношение к нему было неоднозначным и даже настороженным – как с точки зрения классической капиталистической системы, так и с ортодоксальных позиций социалистической системы советского образца. Пустившие глубокие корни традиции рабочего самоуправления дали о себе знать после распада социалистической системы и начавшейся приватизации, и далеко не случайно, что в качестве основного метода приватизации Македония, Словения, Хорватия предпочли выкуп активов менеджерами и работниками (Ерзнкян, 2005).

ЭКОСИСТЕМНАЯ ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ РЭМ

Перспективы развития РЭМ разно- и многообразны. Одной из них является движение в сторону формирования экосистем. Как известно, понятие экосистем было заимствовано экономистами у биологов под названием экосистем бизнеса. В работе (Ерзнкян, 2020) подчеркивается, что автор термина Дж. Мур почувствовал складывающуюся тенденцию к изменению организационных форм бизнеса и к действию последнего в среде, отличающейся от классической рыночной «до такой степени, что грань между ними и средой становится расплывчатой, размытой. Таковую среду уже нельзя назвать внешней, ибо она вместе с объектами в ней составляют единство. Если раньше фирма как объект трактовалась как своего рода «вещь-в-себе» (*Ding an sich*), то теперь такая фирма превратилась, если продолжить почерпнутую у Канта философскую аналогию, в «вещь-в-среде». Такая «вещь» (фирма) уже не мыслится изолированной сущностью, она суть, если и не продукт среды, то неразрывное с ней единство. Соответственно, и среда уже не выступает внешней по отношению к объекту системой: в результате мы получаем двуединство объекта и среды, или, проще говоря, два в одном» (Ерзнкян, 2020, с. 11–12).

Г.Б. Клейнер, совершенно справедливо, отводит экосистеме бизнеса, или социально-экономической экосистеме промежуточное место между традиционными понятиями экономического агента и рынка. В его трактовке такая экосистема выступает в роли локализованного комплекса «организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных образований», способного «к длительному самостоятельному функционированию за счет кругооборота ресурсов, продуктов и систем» (Клейнер, 2019, с. 40). Такое определение развивает идею Мура и в то же время целиком согласуется со своей концепцией системного анализа.

К этому добавим, что налицо также и эволюция собственного понимания экосистем, вытекающее из заглавий работ, опубликованных в одном и том же журнале с разницей в один год: статья 2018 г. именовалась «взгляд в будущее» (Клейнер, 2018), а 2019 г. – «шаг в будущее» (Клейнер, 2019). «Переход от взгляда к шагу, или от [сравнительно] пассивного созерцания к [сравнительно] активной деятельности, знаменует собой явный шаг вперед, как нам представляется, и в собственном понимании экосистем» (Ерзнкян, 2020, с. 12). Об экосистеме в несколько иных терминах пишут в настоящее время многие. Так, о ней говорят в терминах сетевых структур (Дементьев, 2018), гибридных структур (Повов и др., 2016), эконотроники (Попов, 2020) и т.п.

Вернемся, однако, к югославской экономической мысли. Мы уже отмечали, что В. Драшкович довольно резко отзывался о рабочем самоуправлении, практикуемом в Югославии, по причине слабости его теоретико-методологического фундамента. Вместе с тем в практическом смысле эта идея не только жила, но и активно претворялась в жизнь – как до распада Югославии, так и после, что проявилось при начавшейся приватизации предприятий (Ерзнкян, 2005).

Особенность рабочего самоуправления заключается в том, что предприятия создают внутренне комфортную для себя среду, характеризуемую сетевыми отношениями и отсутствием дихотомии «принципал–агент». Поскольку работники, они же собственники, выступают в двух ипостасях, агентской проблемы не возникает, что позволяет сэкономить на трансакционных издержках взаимодействия. Такого рода предприятие можно назвать экосистемой, но особенной – в том смысле, что внешняя среда предстает интернализированной. Это, если следовать ранее введенным философским понятиям, не «вещь-в-себе» и не «вещь-в-среде», а скорее «вещь-в-среде-в-себе». По сути, самоуправляемое предприятие, оно же народное, это *экосистема в миниатюре*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретические аспекты российской и в определенной мере югославской экономической мысли, представляющие интерес сами по себе, никогда не постулировались как самоцели: они служили для прокладывания путей развития реального социализма – советского или югославского типа. Другой вопрос, в какой степени это удавалось – как в теории, так и в ее практической реализации. Ясно было одно: поскольку

речь шла о формировании институциональной системы совершенно нового образца, то и теоретический фундамент должен был быть релевантным целям и задачам построения общества и экономики нового типа.

В своих фундаментальных трудах постсоветского периода Д.С. Львов (2000; 2002а; 2002б; 2007) описывал теоретические возможности построения общества социальной справедливости в новой России, неизменно подчеркивая, что крах потерпела система реального социализма, но не идея социализма как таковая. При этом, всеобщая, казалось бы, унификация в связи с глобализацией и переходом бывших стран социализма к построению рыночной экономики, не смогла преградить путь к поиску новой самоидентификации. И что важно, в этом поиске «ничто – включая институты плановой экономики – не может быть заведомо отброшено в угоду «чистоте» антисоциалистической доктрины, так же, как ничто – включая западные методы государственного прессинга экономики – не может быть принято только потому, что фактически применяется в рамках системы, альтернативной социализму» (Львов, 2002б, с. 33).

Описывая миссию России, Д.С. Львов ее видел *помимо прочего* в роли связующего моста между Западом и Востоком, разумеется, далеко не только в географическом смысле. Об этом он писал не раз. Так, перечисляя все сделанное Россией за века, коллектив авторов, включая, в частности, Д.С. Львова и Б.А. Ерзнкяна, отмечал, что все это было связано с периодами общих устремлений, когда в стране появлялась значимая личность, способная «улавливать и усиливать зарождающийся в недрах народа порыв». Вот перечень того, что было сделано: «строительство транспортного моста между Европой и Азией, организация мощной индустриальной базы и производственной инфраструктуры, формирование уникальной науки и системы образования, культурного наследия и, конечно же, выстроенного на основе бережного сохранения исторических преданий и верований общественного уклада жизни» (Россия..., 2007, с. 17). Об этом Д.С. Львов нередко говорил и в частных беседах с автором этих строк, развивая при этом сыюю мысль. Поэтому, когда В. Драшкович предложил опубликовать небольшое эссе Д.С. Львова в издаваемом им трехязычном журнале «Социально-экономические эссе», то автор этих строк и придумал название России как связующего моста (Львов, 2019). По всей вероятности, Драшковичу это название понравилось еще и потому, что в роли такого моста по-существу выступала и сама Югославия вплоть до ее распада. Как сложится история в дальнейшем, покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Автономов В.С. Методологические проблемы современной экономической науки // Вестник РАН. 2006. Т. 76. № 3. [Avtonomov V.S. (2006). Methodological problems of the contemporary economics. Bulletin of RAS (Vestnik RAN), vol. 76, no. 3 (In Russian).]
- Абалкин Л.И. Диалектика социалистической экономики. М., 1981. [Abalkin L.I. (1981). Dialectics of socialistic economy. Moscow (In Russian).]
- Афанасьев С. Производственные силы и предмет политической экономии. 1986. № 3. [Afanasyev S. (1986). Productive forces and the subject of political economy. No. 3 (In Russian).]

- Валовой Д.В., Лапшина Г.Е. Социализм и товарные отношения. М.: Экономика, 1972. [Valovoy D.V., Lapshina G.E. (1972). Socialism and commodity relations. Moscow, Economy (In Russian).]
- Дементьев В.Е. От фиаско экономической теории к долгосрочному синтезу // Финансы и реальный сектор: взаимодействие и конкуренция. Материалы IX Международного симпозиума по эволюционной экономике. 8–10 сентября 2011 г., Россия, Московская область, г. Пущино / отв. ред. В.И. Маевский, С.Г. Кирдина. М.: Институт экономики РАН, 2012. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 18–27. [Dementyev V.E. (2013). From the fiasco of economic theory to the long-term synthesis. Finance and real sector: cooperation and competition. Materials of IX International symposium on an evolutionary economics. September, 8–10 2011, Russia, Moscow region, Pushchino / Eds-in-chief V.I. Maevsky, S.G. Kirdina. Moscow: Institute of economics RAS; Saint-Petersbourg: Nestor-History, pp. 18–27 (In Russian).]
- Дементьев В.Е. Очередная промышленная революция и организация бизнеса // Львовские чтения – 2018 [Текст]: сборник статей VI Всероссийской научной конференции / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: Изд. дом ГУУ, 2018. С. 17–21. [Dementiev V.E. (2018). The next industrial revolution and organization of business. Lvov readings – 2018: collection of papers of VI All-Russian scientific conference. Ed. by RAS member-corr. G.B. Kleiner. Moscow, Publ. House of SUM, pp. 17–21 (In Russian).]
- Драгичевич А. Критика политической экономии. Загреб: Глобус, 1984. [Dragichev A. (1984). Criticism of political economy. Zagreb, Globe (In Russian).]
- Драшкович В. Институциональные аспекты российской экономической мысли: современный взгляд / пер. с серб. М.: РУСАЙНС, 2020. – 292 с. [Draskovic V. (2000). Institutional Aspects of Russian Economic Thought: A Modern View. Transl. from Ser. Moscow, RUSAINS, 292 p. (In Russian).] ISBN 978-5-4365-6500-2
- Драшкович В. Клокотризация как феномен перехода к рыночной экономике. Критические эссе о переходных периодах в странах Восточной Европы и постсоветского пространства. М.: ЛЕНАНД, 2021. [Draskovic V. (2021). Clockotrization as the phenomenon of passing to the market economy. Critical essays about transitional periods in the countries of Eastern Europe and post-soviet space. Moscow, LENAND (In Russian).]
- Ерзнкян Б. Постсоциалистическая приватизация и корпоративное управление в свете теоремы Коуза // Вопросы экономики. 2005. № 7. С. 121–135. [Yerznkyan B. (2005). Postsocialistic privatization and corporate management in the light of theorem of Coase. Problems of economics (Voprosy ekonomiki), no. 7, pp. 121–135 (In Russian).]
- Ерзнкян Б.А. Техничко-экономическая парадигма Карлоты Перес: ее значение и возможности применения // Финансы и реальный сектор: взаимодействие и конкуренция. Материалы IX Международного симпозиума по эволюционной экономике. 8–10 сентября 2011 г., Россия, Московская область, г. Пущино / отв. ред. В.И. Маевский, С.Г. Кирдина. М.: Институт экономики РАН, 2012. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 28–42. [Yerznkyan B.H. (2013). Technico-economic paradigm of Carlota Perez: Its value and possibilities of application. Finance and real sector: cooperation and competition. Materials of IX International symposium on an evolutionary economics. September, 8–10 2011, Russia, Moscow region, Pushchino. Eds-in-chief V.I. Maevsky, S.G. Kirdina. Moscow, Institute of economics RAS; Saint-Petersbourg: Nestor-History, pp. 28–42 (In Russian).]
- Ерзнкян Б.А. Экосистемы как структурные единицы био- и эконоферы // Теория и практика институциональных преобразований в России [Текст]: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 50. М.: ЦЭМИ РАН, 2020. С. 6–18. [Yerznkyan B.H. (2020). Ecosystems as structural entities of bio- and econo-sphere. Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia [Text]: Collection of Scientific Works. Ed. by B.H. Yerznkyan. Iss. 50. Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, pp. 6–18 (In Russian).]
- Ерзнкян Б.А., Иманов Р.А., Овсиенко В.В., Ставчиков А.И. К построению и использованию индикаторов институциональных сдвигов и длинноволновой динамики // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 30. М.: ЦЭМИ РАН, 2014. С. 6–28. [Yerznkyan B.H., Imanov R.A., Ovsienko V.B., Stavchikov A.I. (2014). To the construction and use of indicators of institutional changes and long-wave dynamics. Theory and practice of institutional reforms in Russia. Collection of scientific works by ed. of B.H. Yerznkyan. Iss. 30. Moscow, CEMI RAS, pp. 6–28 (In Russian).]

- Ерзнкян Б.А., Иманов Р.А., Овсиенко В.В., Ставчиков А.И. Длинноволновый контекст экономического роста и институциональных изменений // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 45. М: ЦЭМИ РАН, 2018. С. 6–18. [Yerznkyan B.H., Imanov R.A., Ovsienko V.B., Stavchikov A.I. (2018). Long-wave context of the economy growing and institutional changes. Theory and practice of institutional reforms in Russia. Collection of scientific works by ed. of B.H. Yerznkyan. Iss. 45. Moscow, CEMI RAS, pp. 6–18 (In Russian).] DOI: 10.33276/978-5-8211-0773-2-6-18.
- Ерзнкян Б.А., Овсиенко В.В., Ставчиков А.И., Иманов Р.А. Исследовательская программа теории третьего пути академика Д.С.Львова // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А.Ерзнкяна. Вып. 37. М: ЦЭМИ РАН, 2016. С. 6–21. [Yerznkyan B.H., Ovsienko V.V., Stavchikov A.I., Imanov R.A. (2016). Research program of the theory of the third way of Academician D.S. Lvov. Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia [Text]: Collection of Scientific Works. Ed. by B.H. Yerznkyan. Iss. 37. Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, pp. 6–21 (In Russian).]
- Клейнер Г.Б. Промышленные экосистемы: взгляд в будущее // Экономическое возрождение России. 2018. № 2(56). С. 188–197. [Kleiner G.B. (2018). Industrial ecosystems: A view into the future. Economic revival of Russia, no. 2 (56), pp. 188–197 (In Russian).]
- Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40–45. [Kleiner G.B. (2019). Economic ecosystems: A step into the future. Economic revival of Russia, no. 1 (59), pp. 40–45 (In Russian).]
- Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. [Kondratyev N.D. (1989). Problems of economic dynamics. Moscow, Economy (In Russian).]
- Либерман Э.Г. Вопросы методологии изучения и измерения производства труда. М.: АН СССР, 1956. [Liberman E.G. (1956). Questions of methodology of study and measuring of production of labor. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (In Russian).]
- Львов Д.С. Свободная экономика России: взгляд в XXI век. М.: Экономика, 2000. [Lvov D.S. (2000). Free economy of Russia: A view in the XXI century. Moscow, Economy (In Russian).]
- Львов Д.С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002а. [Lvov D.S. (2002a). Economics of development. Moscow, Examen (In Russian).]
- Львов Д. Роль России в гармонизации процессов мирового развития // Свободная мысль – XXI. 2002б. № 8. С. 18–33. [Lvov D.S. (2002b). Role of Russia in harmonization of the processes of world development. Free thought – XXI, no. 8, pp. 18–33 (In Russian).]
- Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего. М.: Институт экономических стратегий, 2007. [Lvov D.S. (2007). Russia: scopes of reality and contours of the future. Moscow, Institute of economic strategies (In Russian).]
- Львов Д.С. Миссия России / под ред. С.Ю. Глазьева и Б.А. Ерзнкяна. М.: ГУУ, 2008. [Lvov D.S. (2008). Mission of Russia. S.Yu. Glazyev and B.H. Yerznkyan (Eds). Moscow, State University of Management (In Russian).]
- Львов Д.С. Миссия России: мост, связующий Европу с Азией // Socio-Economic Essays. 2019. Vol. 5. № 1–2. Р. 91–92. [Lvov D.S. (2019). Mission of Russia: A bridge connected Europe with Asia. Socio-economic essays, no. 1–2, pp. 91–92 (In Russian).]
- Львов Д.С., Гребенников В.Г., Ерзнкян Б.А. Тенденции и проблемы развития корпоративной формы предприятия в России / препринт # WP/2000/101. М.: ЦЭМИ РАН, 2000. 79 с. [Lvov D.S., Grebennikov V.G., Yerznkyan B.H. (2000). Trends and problems of evolution of the corporate form of the enterprise in Russia. Working paper # WP/2000/101. Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 79 p. (In Russian).]
- Немчинов В.С. Планировочная задача и материальное стимулирование / Правда. 1962. 11 сент. [Nemchinov V.S. (1962). A plan task and material stimulation. Pravda, September 11 (In Russian).]
- Олейник А.Н. Институциональная экономика: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2004. [Oleynik A.N. (2004). Institutional economics: textbook. Moscow, INFRA-M (In Russian).]
- Осипов Ю.М. Российская хозяйственная мысль // Socio-Economic Essays. 2019. Vol. 5. № 1–2. Р. 21–22. [Osipov Yu.M. (2019). Russian economic thought. Socio-economic essays, no. 1–2, pp. 21–22 (In Russian).]

- Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело, 2011. [Perez C. (2011). Technological revolutions and financial capital: Dynamics of bubbles and periods of prosperity. Moscow, Delo (In Russian).]
- Попов Е.В. Эконотроника: монография. Тюмень, Изд-во Тюменского государственного университета, 2020. [Popov E.V. (2020). Econotronics: Monograph. Tyumen: Tyumen State University Publishing (In Russian).]
- Попов Е.В., Калмыкова О.Н., Симонова В.Л. Циклы отраслевых рынков и динамика развития гибридных структур // Журнал экономической теории. 2016. № 2. С. 110–118. [Popov E.V., Kalmykova O.N., Simonova V.L. (2016). The cycles of industrial markets and the dynamics of hybrid structures development. Journal of economic theory, no. 2, pp. 110–118 (In Russian).]
- Россия в глобализирующемся мире: модернизация российской экономики / под ред. акад. Д.С. Львова, чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: Наука, 2007. 422 с. [Russia in the globalizing world: Modernization of Russian economy (2007). Ed. by Academician D.S. Lvov and Corresponding Member of RAS G.B. Kleiner. Moscow, Nauka, 422 p. (In Russian).]
- Marsenić D. (1979). Privredni sistem Jugoslavije. Beograd, Savremena administracija.
- Sugden R. (1989). Spontaneous order. Journal of Economic Perspectives, vol. 3, no. 4.
- Yerznkyan B.H., Magomedov R.Sh. (2018). Regional development programming in the context of long-wave dynamics. Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia [Text]: Collection of Scientific Works. Ed. by B.H. Yerznkyan. Iss. 44. Moscow, CEMI RAS, pp. 84–94.
- Yerznkyan B.H., Magomedov R.Sh. (2019). Regional strategic development in the context of long-wave dynamics. Materials of the International Conference “Scientific research of the SCO countries: synergy and integration” – Reports in English (July 31, 2019. Beijing, PRC), pp. 58–66. DOI: 10.34660/INF.2019.13.33965.

Yerznkyan B.H.

INSTITUTIONAL ASPECTS OF RUSSIAN ECONOMIC THOUGHT: A VIEW FROM OUTSIDE

The institutional aspects of the Russian economic thought as they are seen to the professor from Montenegro Veselin Draskovic in comparison with such aspects of economic thought of the former socialistic countries, including Montenegro and wider – former Yugoslavia are studied. The special attention is spared to illumination of the representative themes and directions of the development of economic thought – both accepted and declined by Russian practice and official politics. The most essential problems and taking place theoretical discussions, lasting during all period of socialism with an accent on today's realities, are investigated. Undertaken by the author of book the comparative institutional analysis of consequences of the strict government control in different periods of development of economic thought allows to differentiate two most essential factors of influence – domination of politics over all forms of life, from one side, and cult of personality – from another. Particular interest is presented by the selfguided enterprises, as they can be interpreted as the popular now ecosystems, i.e. ecosystems in miniature.

Keywords: Russian economic thought, institutions, comparative analysis, ecosystems.

JEL Classification: B25, O00, P20, P52.